«Я проповедовал не рознь, а единение...»

(К 150-летию
со дня рождения
Г. Баруди)

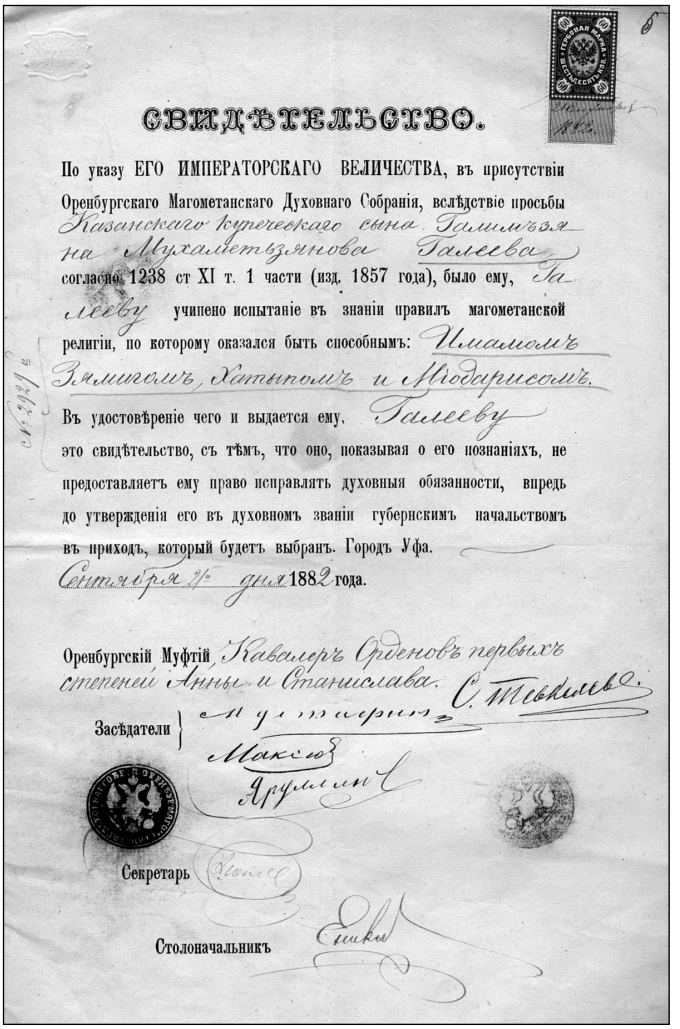
5 февраля 1857 г.[1] в д. Малые Ковали Казанского уезда Казанской губернии* в доме своего деда Хабибуллы родился знаменитый религиозный и общественный деятель педагог Галимзян Мухаметзянович Галеев (Баруди). В 2007 г. исполнилось 150 лет со дня его рождения.

Баруди — это псевдоним Г. М. Галеева. И. Рами писал по этому поводу: «…первые книги свои Галимзян-хазрат издавал под псевдонимом “Г. Пороховой”, но с распространением легкой музыки под названием “Пороховой Фатих” перевел свой псевдоним с “Порохового” на арабский лад “Баруди” (“баруд” — “порох”)»[2].

Образование Г. М. Баруди получил в Бухаре в 1875-1881 гг. Вернувшись в Казань в 1881 г., он начал преподавать в медресе М. Сагитова, а уже в октябре 1882 г. был назначен имамом-хатыбом и мугаллимом мечети № 5 Старотатарской слободы[3]. С 1891 г. по инициативе Г. Баруди в мечети вводится новометодная система обучения. Конфликт и разногласия по поводу методов преподавания между руководителем медресе М. Сагитовым и молодым учителем Г. Баруди привели к расколу учебного заведения. На основе сагитовского медресе возникло ново — Галеевское, известное как «Мухаммадия», где преподавал Г. Баруди.

Помимо преподавательской работы, Г. Баруди составлял учебные програм-

* Ныне Высокогорский район Республики Татарстан.

СВИДѢТЕЛЬСТВО.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ присутствіи Оренбургскаго Магометанскаго Духовнаго Собранія, вслѣдствіе просьбы Казанскаго купеческаго сына Галимчъзя на Мухаметъзянова Галеева согласно 1238 ст XI т. 1 части (изд. 1857 года), было ему, Галееву учинено испытаніе въ знаніи правилъ магометанской религіи, по которому оказался быть способнымъ: Имамомъ Галимчъ, Хатыпомъ и Мюдаррисомъ.

Въ удостовѣреніе чего и выдается ему, Галееву это свидѣтельство, съ тѣмъ, что оно, показывая о его познаніяхъ, не предоставляетъ ему право исправлять духовныя обязанности, впредь до утвержденія его въ духовномъ званіи губернскимъ начальствомъ въ приходъ, который будетъ выбранъ. Городъ Уфа.

Сентября 1½ дня 1882 года.

Оренбургскій Муфтій Кавалеръ Орденовъ первыхъ степеней Анны и Станислава. С. Тевкелевъ.

Засѣдатели

Секретарь

Столоначальникъ

НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 2263, л. 6.

мы и пособия для новометодных школ, издавал научно-религиозный, литературный журнал на татарском языке под названием «Ад-Дин ва аль-адаб» (Религия и нравственность)[4], а также активно участвовал в общественно-политической жизни, за что и попал под негласный надзор жандармерии.

2 мая 1907 г. на базе медресе «Мухаммадия» был организован съезд учителей татарских школ, куда съехались учителя медресе из разных губерний. Но открытый без разрешения правительства, он уже 21 мая был закрыт, а организаторы, в числе которых был и Г. Баруди, в 1908 г. «за революционную деятельность высланы из гор. Казани в Вологодскую губернию под гласный надзор полиции на два года»[5].

В мае 1917 г. на Первом Всероссийском мусульманском съезде, созванном по инициативе Временного центрального бюро российских мусульман, Г. Баруди был избран муфтием Центрального духовного управления мусульман Внутренней России и Сибири (г. Уфа).

Г. Баруди обладал богатейшей библиотекой, которая состояла из древних рукописей и редких книг на арабском, персидском, татарском и турецком языках. Ее сбору он посвятил всю жизнь. В 1920 г. он передал ее Татарской республике. Сегодня его дар хранится в Научной библиотеке им. Лобачевского Казанского университета.

Г. Баруди посвятил всю жизнь служению своему народу. Еще в 1915 г. Дж. Валиди писал: «Габдеррашид-кази, Г. Баязитов, Риза-кази, Ф. Каримов, Х. Максуди и если к ним присоединить еще Исмагил-бея и некоторых его учеников, которые вложили огромный вклад в процесс обучения, таких как Галимзян Баруди, ахунд Хайрулла аль-Гусмани, Габдулла и Губайдулла Буби, а также Нигматуллу-хаджи, Ахмеда и Гани Хусаиновых, то перечислим тех людей, которые подготовили нашу нацию к экзамену 1905 г.»[6].

Интересно же знать, как относился сам Г. М. Баруди к своей деятельности. Что двигало им на тернистом пути служения народу. Вниманию читателей мы представляем докладную записку Г. Баруди, написанную, когда (в 1910 г.) он был привлечен по делу панисламистов и пантюркистов братьев Буби* (дело было прекращено 2 декабря 1911 г.[7]), и хранящуюся в Национальном архиве РТ.

* Братья Буби — Габдулла и Губайдулла Нигматуллины-Буби. Основоположники знаменитой медресе «Буби» в д. Иж-Бобья Сарапульского уезда Вятской губернии.

ПРИМЕЧАНИЯ:
1. НА РТ, ф. 98, оп. 1, д. 1079, л. 155-156.
2. Рәми И., Даутов Р. Әдәби сүзлек. – Казан, 2001. – Б. 38.
3. НА РТ, ф. 2, оп. 2, д. 2263, л. 6.
4. Там же, ф. 420, оп. 1, д. 68, л. 2, 4.
5. Там же, ф. 2, оп. 2, д. 8119, л. 1.
6. Вәлидов Ж. Унъеллык тарихыбыздан бер кисәк // Вакыт. – 1915. – 4 март.
7. НА РТ, ф. 199, оп. 1, д. 954, л. 5, 5 об.

Докладная записка Г. Баруди казанскому губернатору М. В. Стрижевскому

26 февраля 1911 г.

Беру на себя смелость обратиться к Вашему превосходительству с настоящей моей запиской в полной надежде на Ваше просвещенное внимание. Цель моей записки — моя реабилитация в глазах Вашего превосходительства, ибо мои убеждения, моя предшествовавшая деятельность, очевидно, были освещены ложным светом и показаны через призму пристрастности и предубеждения, дававших повод видеть во мне человека как бы неблагонамеренного, почти вредного для общественного спокойствия и совместной культурной работы моих единоверцев с русскими. Между тем мое знакомство с историей народностей, мои личные наблюдения во время моих путешествий по Востоку выработали во мне глубокое убеждение, что для той народности, к которой я принадлежу, нет большего счастья, как составлять нераздельную часть великого русского народа, являющегося более благожелательным, чем какой-либо другой народ, хотя бы и связанный с ним узами крови и единой веры, и только в России в единении с русским народом мы, татары-мусульмане, можем достигнуть возможного на сей земле благоденствия, как материального, так и духовного. Держась таких убеждений не за страх, а за совесть, мог ли я, естественно желающий добра своему народу, поступать и действовать, хотя бы помышлением, в ущерб интересам России, не нанося неизмеримо большого вреда своему народу, ибо благо моего народа неразрывно связано с величием этой страны, Богом данной нам родины. В минуты помрачения разума темной народной массы, вследствие дурно понятых или плохо истолкованных распоряжений правительства, я и словом и делом старался, по мере моих слабых сил, к вразумлению этой темной массы. Так, в 1894 году по поводу распоряжения цензурного комитета об изъятии из обращения в школах книг, большею частью в то время рукописных, началось довольно сильное движение и началась было эмиграция в Турцию. Чтобы удержать людей от этого необдуманного поступка и чтобы выяснить высшей власти причины смущения мусульман, видевших в том распоряжении посягательство на свободу своей религии, я в числе других с покойными отцом моим Мохамеджаном Галеевым и муллой Абдулбадиговым был в Петербурге у тогдашнего Министра внутренних дел. Результатом этой поездки и данных нам объяснений было разъяснение со стороны министерства, успокоившее население, и эмиграция прекратилась.

Во время последней всенародной переписи в 1898 г., вследствие наущения темных и неблагонамеренных людей, темная масса хотела воспротивиться этой переписи, представляя ее себе со слов тех же неблагонамеренных людей мерой к обрусению. Моя непрестанная и упорная проповедь, разъясняющая истинный смысл переписи, до того озлобила этих людей, что я, ввиду угрожавшей моей с их стороны личной безопасности, вынужден был на некоторое время удалиться в Саратовскую губернию.

Это обстоятельство могут удостоверить все знающие меня лица в Казани.

В эпоху брожения умов учащейся молодежи 1904-[190]5 гг. я всячески старался противиться вторжению в медресе при 5-ой мечети превратных идей и, заметивши нежелательные элементы, всегда удалял их, и однажды сразу 50 учеников, увлекшихся новыми, модными идеями [были отстранены от занятий].

Эти факты, из числа многих им подобных, моей общественной деятельности достаточно обрисовывают как мою личность и мои убеждения с точки зрения приверженности к порядку, так [и] мою всегдашнюю лояльность.

Теперь перехожу к обзору моей педагогической деятельности, начавшейся с 1882 года. И в этой сфере моей деятельности не находится ни одного факта, который шел бы в разрез с видами правительства и интересами России. Зная по своему личному горькому опыту всю тяжесть и несовершенность существующей системы первоначального обучения в при-

ходских школах и средневековой схоластики в медресе, я начал вводить в находящейся в моем заведовании школе при 5-ой соборной мечети г. Казани более современные методы обучения и преподавания. Цель моя была, с одной стороны, при наименьшей затрате времени дать возможность учащимся получить возможно большую сумму знаний, избавив их от того ненужного балласта, которым под видом науки их перегружали наши муллы-рутинеры, с другой — доказать, что при желании еще остается достаточно времени для изучения необходимого для нас, русских мусульман, русского языка, ибо при предъявлении требования его знания наши противники, видевшие в изучении русского языка один из этапов обрусения, постоянно ссылались на сложность и продолжительность изучения мусульманских богословских наук, что не остается времени для изучения русского языка. Взамен беспрограммного обучения, существовавшего во всех медресе, я ввел преподавание в своем медресе по программе и лично составил много учебных руководств, чтобы избавиться от необходимости прибегать к таковым, изданным за границей, и тем избавиться от всевозможных нареканий учебного начальства, относившегося недоверчиво к заграничным учебникам. И в этой сфере моей деятельности красной нитью проходила та идея, которой я, повторяю, держался не за страх, а за совесть, что татары-мусульмане должны стремиться быть всегда искренно преданными России, их родине, ибо вне ее для них немыслимо их земное благоденствие. Я проповедовал не рознь, а единение, и по своему убеждению вел юношество к тому.

Мои труды и старания не были поняты и были истолкованы превратно, и мои стремления разграничить истину от ходячих, установившихся мнений причинили мне одни неприятности и огорчения. Темная, непросвещенная масса, послушная подобным ей непросвещенным муллам, увидала в вводимых мною новшествах чуть ли не ересь и отступничество. Эти приверженцы рутины начали распространять про меня слухи, что я подкуплен миссионерами, что я иду с ними рука об руку в деле обрусения татар, и тому подобные небылицы. Как ни горько было для меня слышать и читать в присылаемых мне и отцу моему анонимных письмах такую ложную оценку моей деятельности, я все это переносил с терпением, жалел этих людей, не знающих, не понимающих, что творят, и пребывал в надежде, что истина все-таки в конце концов восторжествует и что труды мои увенчаются признательностью моих единоверцев и получат должную оценку со стороны властей, хотя я трудился не для славы, не в ожидании похвал, а движимый чувством любви и сострадания к своей меньшей братии, коснеющей в невежестве, предрассудках и суеверии.

Горько же было мое разочарование. Мои идейные противники, испробовавши все находившиеся в их распоряжении средства, чтобы дискредитировать меня и мои дела в глазах единоверцев, и не будучи уже в состоянии остановить и погасить возжегшееся сияние истины, прибегли к последнему средству — доносу.

То, что постигло меня в мае 1908 года, я ожидал всего менее. Не говоря уже о моих личных нравственных страданиях, это событие так поразило моих родителей в преклонные их годы, что дни их сократились. Я далек от мысли роптать на Бога, пославшего мне такое тяжкое испытание. Я перенес его со смирением, но оно оставило, независимо от моей воли, горькое сознание двух вещей. Во-первых, сознание того, как трудно еще доказать правительству всю благонамеренность мусульманского населения, относительно которого существует еще такое досадное предубеждение.

Второе же касается лично меня. Свои 50 лет я провел исключительно за книгами, занимаясь наукой и преподаванием, пренебрегши торговым занятием своего отца; в этом мое призвание; я хотел остаток своих дней до последнего вздоха опять посвятить этому великому делу просвещения своих братьев и тем заслужил милосердие моего Бога в будущей моей жизни; хотелось бы уйти из мира с приятным сознанием исполненного долга перед Всемогущим Богом и людьми.

Такова моя искренняя исповедь, мое раскрытое сердце перед взорами Вашего превосходительства, и я уповаю, что моя надежда не будет тщетна и старческий голос мой не будет гласом вопиющего в пустыне.

Галамджан Мухаммаджан[о]в Галлеев (подпись).

НА РТ, ф. 1, оп. 6, д. 710, л. 7-12.

Публикацию подготовила
Рафиля Гимазова,
кандидат исторических наук